

НАЦИОНАЛЬНОЕ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ В СОЦИОЛОГИИ

Автор: Л. Г. ТИТАРЕНКО

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна - доктор социологических наук, профессор Белорусского государственного университета (Минск) E-mail: Iarisa166@mail.ru

В социологическом сообществе с определенной периодичностью вновь и вновь возникает проблема соотношения интернационального (наднационального, универсалистского и т.п.) и национального компонентов социологического знания. Эти вопросы не раз поднимались на страницах журнала "Социологические исследования" [4; 7; 12; 14].

В прошлом социологи данный вопрос изначально решали в пользу наднационального. Социология как система научных знаний создавалась представителями конкретных стран, однако ее классики стремились создавать концепции, которые были бы приложимы к любому обществу, могли служить методологической основой для изучения социальных процессов и явлений, происходят ли они во Франции, Германии или Италии. Классическая социология по своей сущности стремилась к универсализму, всестороннему охвату общества, его объяснению как феномена в отрыве от национального содержания. Такой подход был присущ Конту и Спенсеру, ему следовали многочисленные сторонники натуралистических школ, а затем Дюркгейм. Вебер, создавая теорию действия, исходил из субъекта действия вообще, не индивида-немца. Вместе с тем, классики социологии всегда творили в культурно-историческом контексте, который позволяет находить связи между конкретным обществом и теоретическими конструкциями. То же можно сказать о наиболее универсалистской системе социологического знания, выработанной в 20 веке - теории социальной системы

Т. Парсонса: она была призвана объяснять любое общество, хотя критики уверяли, что за парсоновскими универсалиями и абстрактной моделью "современного" общества просматривается Америка.

Советская социология позиционировала себя как универсальная марксистская модель постановки и решения проблем социального развития и изменения в мире. В той или иной степени советские социологи следовали общей схеме развития. Если о советской литературе говорили, что она "социалистическая по содержанию, но национальная по форме", то социальная наука должна была быть единой марксистской и по форме и по содержанию. На международной арене советские социологи полемизировали с учеными из стран "первого мира", доказывая правоту марксизма: "Учение Маркса всеисильно, потому что оно верно". Теоретико-методологический багаж марксизма казался достаточным для описания и объяснения всего многообразия социального мира на глобальном, региональном, национальном уровнях.

В постсоветских республиках ситуация изменилась. Понадобились новые, специфические для каждой страны познавательные инструменты. Каждая независимая республика стала искать "национальные корни" социальной науки, интерпретировать особенности своего социально-политического развития со ссылками на национальный менталитет, национальную историю. Так, в России стали популярны заимствованные варианты теорий *path dependence*, которые позволяли объяснить неудачи с демократизацией государственных институтов и построения рынка ссылками на "проклятое тоталитарное прошлое", которое не дает возможности от него освободиться, детерминирует выбор населением "жесткой руки" вместо демократии и пр. В Украине ссылками на традиции казацкой вольности обосновывали неизбежную и окончательную государственную независимость страны, избавление от "влияния москалей", тогда как в Беларуси, с теми же ссылками на историческое своеобразие, напротив, акцентировали белорусскую толерантность, единство корней, готовность жить в тесном союзе с восточным соседом. В рамках национального пространства социальных наук всех постсоветских республик в большей или меньшей степени проявились эти моменты, стремление построить национальные теории развития, в том числе национальную социологию. Одновременно имеет место тенденция, акцентирующая необходимость следования глобальным трендам в развитии общества, изучать мировую социологию и переносить ее опыт в постсоветскую реальность.

В конце XX - начале XXI вв. проблемы соотношения этих двух сторон социологии привлекали значительное внимание мирового сообщества социологов. Вопрос о соотношении национального и наднационального, универсального и партикуляристского в теории и методологии исследований неоднократно рассматривался в рамках МСА. Общая тематика нескольких международных конгрессов была прямо связана с выяснением соотношения единого и разнообразного в социологическом знании: 1966 - Единство и многообразие в социологии; 1990 - Социология для всего мира: единство и разнообразие; 2002 - Социальный мир в XXI-м веке: амбивалентные наследия и возникающие вызовы; тема XVIII-го последнего конгресса "Социология в движении"¹ звучала достаточно абстрактно, позволяя уделить проблеме разнообразия и единства, глобального и локального в социологии достаточно внимания. И это вполне объяснимо: с тех пор как в мировую социологию стали вливаться потоки социологов из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, она серьезно изменилась. Если раньше социологическая аудитория принимала интеллектуальное доминирование Запада² как должное, то по мере демократизации МСА на смену доминированию пришло сосуществование многих национальных и региональных социологий, которое перерастает в противостояние и открытую конкуренцию с Западом [16].

¹ XVII world congress of sociology. Sociology on the move. 11 - 17 July 2010.

² Условно Запад обозначен как единое целое, хотя следовало бы вычлениить в нем множество школ, направлений, парадигм; в этом случае речь будет идти о социологии "глобального Севера", противостоящей условной социологии "глобального Юга". Так же условно говорю о противостоящих друг другу Западе и Востоке, хотя понятие "Восток" меняет содержание.

У каждого крупного региона есть интересы, которые диктуют социологам стран региона основные исследовательские темы. Это фактор, который Мертон обозначил как "экзистенциальный базис" социального познания, который предопределяет конкретные цели и объекты научного познания [9, с. 655]. Если для постсоветского региона главной темой стала трансформация (в разных вариантах), то для Африки это бедность и неравенство, для Ближнего Востока - этнические конфликты и насилие, и т.д. Трудно возражать против того, что такой подход оправдан: социологи живут в своих странах, регионах, погружены в свой социальный контекст, поэтому они обязаны, прежде всего, думать о своеобразии проблем региона и страны, искать способы решения проблем внутри региона; здесь использование "чужих" теорий не всегда продуктивно. Как отмечает Мертон, социология познания оказалась востребованной в США только тогда, когда ее проблемы показались "уместными" для американского общества [9, с. 650]. Этот пример можно экстраполировать на постсоветскую социологию: те или иные концепции, почерпнутые извне постсоветского пространства, могут прижиться (быть принятыми) в постсоветской социологии лишь при условиях сходства (совпадения?) интересов данного общества с интересами, которые двигали созданием этих концепций за рубежом [4, с. 7].

Позитивистские утверждения, что социальная наука, как естественная, абсолютно нейтральна и объективна, не оправдали себя. Поскольку социолог остается членом общества, он вынужден учитывать не только этос науки (т.е. стремиться к универсализму и незаинтересованности, как утверждал Мертон [9, с. 770]), но и давление на него государства, культурных традиций социального окружения, своеобразия социальных процессов в стране и пр.

Сегодня заходит речь о корректной интерпретации "чужих" теорий. Необходимо помнить, что любые попытки интерпретации и тем более перенесения теорий, созданных в другой стране и в ином социальном контексте, требуют от социолога интеллектуальных усилий по "отсечению" этих "национальных напластований" от "универсальной" компоненты. По утверждению П. Бурдьё, даже теория М. Вебера "сильно пострадала" от непонимания, т.к. почитатели теории Вебера не учитывали "специфический исторический контекст (пространство научных возможностей)" ее формирования и "исторические исследования, в которых она проходила свою проверку" [1, с. 99]. Иначе говоря, читатели Вебера, среди которых Бурдьё называет Парсонса, не учли механизм переноса идей из одного интеллектуального поля в другое, игнорировали специфику культурной ситуации создания произведения, которое оказалось неправильно истолкованным, перенесенным в иной контекст без учета культурной ситуации Германии и проецирования на эту теорию данного культурного контекста. В ошибках при заимствовании и перенесении чужих идей на иную культурную почву кроется одна из причин возможного отторжения "чужого наследия" национальной социологией. С этим в настоящее время согласны и российские социологи. Как считает С. Г. Кирдина, сегодня "ось цивилизационного противостояния разделяет западные и незападные теории" [8, с. 27], в том числе западные и российские. Это не способствует заимствованиям, хотя еще в начале нового века теоретические заимствования с Запада расценивались тем же автором как важный источник идей для российской социологии [7, с. 35].

В связи со сказанным возникает вопрос, насколько национальное и наднациональное содержание сосуществуют сегодня в российской социологии и можно ли говорить о национальной социологии (в данном случае применительно к России) вообще.

Какое мнение на этот счет преобладает в России, и как оно соотносится с обсуждением проблемы глобального/локального на конгрессе в Швеции? В истории социологии известны национальные школы (напр., немецкая формальная социология, французская социологическая школа, и др.). В свое время каждая из них определяла "научное лицо" своей страны, одновременно претендуя на то, чтобы задавать тон в социологии на мировом уровне. Однако то была классическая эпоха, когда в социологии господствовали универсалистские представления.

Сегодня ситуация представляется иной. А. Г. Здравомыслов четко обозначил "неразрешимую социологическую антиномию": противоречие между глобалистским стремлением построить одну социальную теорию для всего мира и наличием национального (локального), зависимого от национальной культуры содержания конкретной социологии в той или иной стране [4, с. 7].

Для некоего баланса между глобальным/локальным на постсоветском пространстве социологам не следует увлекаться глобализаторскими обобщениями в ущерб национальному, игнорировать специфику страны, которая накладывает отпечаток на развитие социальных наук. Можно успешно соединять оба аспекта, использовать зарубежные достижения, адаптируя их к национальным условиям. Так, выступления С. Г. Кирдиной на конгрессе, в которых она опиралась на свою теорию институциональных матриц [6], имели успех в аудитории. В них Кирдина не только обосновала наличие инвариантных социальных институтов в России, которые предопределяют иные, нежели на Западе, механизмы социально-экономического развития, но и применила данную теорию к анализу современной ситуации. Объяснительная сила этой российской разработки еще раз подтверждает: нет подчас нужды заимствовать западные концепции только потому, что они (и социология как наука) на Западе более развиты. Действительно, на долю так называемой "Большой четверки" (т.е. Франции, Германии, Великобритании и США) приходится и сегодня более 75% всех социолого-теоретических публикаций мира. Вместе с тем, западноевропейские и американские социальные теории, как правило, не адекватны для постсоветского региона, как и для ряда других регионов, что показал Р. Коннел [16]. Здесь играет роль и фактор "противостояния цивилизаций", и недостаточная известность российских авторов на Западе ввиду малого числа публикаций в международных социологических журналах. Все вместе это зачастую приводит к игнорированию российской социологии как равноправного партнера на поле мировой социологии, вытеснение постсоветских социологов на вторые-третьи роли в международном сообществе.

Итак, с одной стороны, знание мировой социологической классики, теоретико-методологических подходов в исторической ретроспективе необходимо, чтобы "не изобретать велосипед". С другой стороны, нельзя игнорировать национальную специфику, отказываться от "локальных" теорий, которые в конкретном случае лучше могут объяснить/интерпретировать социальное развитие в регионе. На конгрессе неоднократно подчеркивалось: любая "классика" не должна превращаться в иконостас: ее нужно знать, но не молиться на нее. Это не равносильно отказу от "универсалистского", наднационального знания: сегодня нельзя развивать социологическую теорию только на национальных исторических корнях, вопрос в соотношении национального и наднационального. По мнению ряда российских социологов, национальные корни важнее западных знаний; поэтому в ряде вузов очень много внимания уделяют изучению истории российской социологии. По мнению других авторов, сегодня развитие национальной социологии не является российским приоритетом [14]; надо конструировать и развивать собственные теории для объяснения специфических постсоветских феноменов, но не уповать на развитие национальной социологии. Довольно резко высказался на этот счет В. Воронков [2]: российским студентам и ученым нужно изучать мировой опыт развития социологии и принимать общие научные нормы, не замыкаясь в национальных рамках, поскольку "никто в мире не знает, что такое русская социология". Как констатировал по окончании конгресса О. Н. Яницкий, русские социологи сами по себе не интересуют западных коллег вообще [15]. Возможно, это преувеличение, однако падение интереса к российской социологии связано с недостатком оригинальных теорий, разработанных россиянами и представленных международному сообществу.

На основании приведенных выше дискуссионных позиций, можно сделать вывод, что вопрос о национальной самодостаточной социологии становится риторическим: такая социология будет своего рода резервацией, барьером для коммуникации с социологией других стран, знакомства с мировыми традициями. Тем не менее, этот ответ не перечеркивает необходимости в региональном лидерстве, когда та или

иная национальная социология играет объединяющую роль в своем регионе, задает образцы мышления и теоретизирования в круге стран, близких по своей истории и разрабатываемым теоретическим позициям. Так, Франция задает образцы для стран Бенилюкса, а США, все еще претендуя на мировое интеллектуальное лидерство, практически озабочены сохранением доминирования в социологических кругах Латинской Америки. На постсоветском социологическом просторе российская социология могла бы играть роль регионального лидера - в силу многочисленности по сравнению с другими постсоветскими странами (для сравнения: на конгрессе в Швеции было 111 социологов из России и менее 20 из остальных стран СНГ), и потому что Россия как правопреемник СССР может претендовать на эту роль и в сфере социологии (со всеми вытекающими плюсами и минусами). У России и ее академической науки больше ресурсов и социального капитала, а проблемы, решаемые этой страной, так или иначе охватывают многообразие проблем других стран региона.

Для выполнения российской социологией "региональной миссии" необходимы определенные "рамочные условия", благоприятные факторы и структуры, "невидимо управляющие" развитием науки (в данном случае социологии) и повседневной жизни [6]. На национальном уровне эти рамочные условия в России пока недостаточно осознаны обществом (да и самими социологами). Далеко не все ученые и администраторы науки признают значимость теоретической деятельности как фундамента развития социологической науки. Тем не менее, немало российских ученых активно работают на уровне мировых стандартов и в рамках общепризнанных социологических направлений. При определенных организационных усилиях, они бы могли с успехом выполнять организующую роль и в теоретическом объединении социологов постсоветского пространства. Представляется, такая мысль прозвучала в статье О. Н. Яницкого, написанной после конгресса [15].

На практике реализация данной идеи может столкнуться с трудностями. С одной стороны, никто в российском сообществе не хочет обременять себя такой ролью, считая всякое объединение "избыточным", с другой - не все социологи даже в России, не говоря уже о постсоветском пространстве, признают высокий уровень теоретических наработок современной российской социологии. Например, Л. Д. Гудков полагает, что в России "есть по-разному работающие исследователи и даже отдельные группы ученых, есть центры... Но они не образуют воспроизводящихся направлений в науке и не тянут на статус оригинальной школы или хотя заимствованной парадигмы в науке" [3, с. 105]. По его мнению, 3-й (последний по времени) Всероссийский социологический конгресс подтвердил: при многочисленности участников нельзя было не заметить методологической слабости многих представленных докладов, их оторванности от теоретических макросоциологических фреймов, а также "нестыковки" и даже полного игнорирования друг друга.

Практически согласен с Гудковым Н. Е. Покровский. Рассуждая об участии российских социологов в международных форумах, он признает, что в России есть "определенное число" социологов, для которых международная деятельность - нормальная часть "повседневной работы", тогда как для большинства такие форумы - лишь "эпизодические фестивали" [10]. Парадоксально, но даже сам российский социологический мейнстрим не всегда знает своих "лидеров" - тех, чья научная продукция хорошо известна за пределами России и СНГ. Как показал М. М. Соколов [13], имена этих немногих социологов, большинство которых живет и работает в Москве и Петербурге, входят в первые десятки при подсчете индексов цитирования российских авторов за рубежом. Они свободно владеют иностранными языками, многие получили за границей научные степени. Полученные знания помогают им работать на передовых рубежах науки, внося вклад в производство нового социального знания. Ни в коей мере не преуменьшая их научного вклада, вряд ли можно интерпретировать их деятельность как "развитие национальной российской социологии", скорее, это российские ученые, работающие на высоком профессиональном уровне, которые имеют международное признание, но не определяют статус российской социологии.

Возможно, ситуация изменится после избрания Е. А. Здравомысловой в исполком МСА - теперь в этом органе два россиянина. Однако это потенциальная возможность. Реально ситуация такова, и конгресс это подтвердил: признается плодотворность наличия национальных школ, разрабатывающих теоретические инструменты для решения актуальных проблем своей страны, но без их "вырывания" из глобального социологического контекста (национальных форумов в рамках последнего конгресса вообще не было). Иначе говоря, на уровне МСА национальные теории и школы должны быть "вписаны" в рамки общих подходов, которые разделяются социологами разных стран. Поэтому сегодня уместнее говорить о "социологии в России", не о "российской социологии" как едином целом: внутри этой социологии много школ и направлений, между которыми не больше общего, чем между ними и соответствующими направлениями социологии в других странах. Разрабатывая социологию в стране, не следует превращать ее в национальную идеологию: П. Сорокин признан "своим" в Петербургском и Гарвардском университетах. Другое дело, что сегодня социология находится в процессе поиска "образов" глобального общества, поэтому опора на какие бы то ни было авторитеты (свои и чужие) неуместна, а следование национальным традициям лимитировано масштабом изменений в национальном сообществе и вне его.

То, что в современной глобальной социологии национальная социология не может быть самодостаточной, не дает, однако, *carte blanche* методологическому универсализму. Напротив, глобальная социология сегодня более ориентирована на методологический индивидуализм, на учет контекста. Контекстуализм означает отказ от признания полной релевантности той или иной макротeorии, понимание необходимости искать специфические теоретические конструкты, соответствующие региону, культуре и традициям.

Например, применительно к постсоветскому пространству контекстуализм может означать разработку теорий и моделей развития общества с учетом истории страны, вплоть до отказа измерять конкретное современное общество "чужими" социологическими мерками, будь то концепция либеральной демократии, среднего класса или теория институциональных матриц. Даже теории, сконструированные в постсоветском регионе, не могут переноситься на почву каждой из стран и применяться там по шаблону. Например, как показали С. Уайт и Я. МакАлистер, "цветные революции" на постсоветском пространстве произошли не в самых бедных и обездоленных странах, как это предполагает теория революции, а там, где были специфические условия, которые в других странах в той же комбинации не повторились [17]. В данном случае проявляется специфика не только региона, как можно было бы ожидать, но и конкретной страны: они отличны от стран Запада и друг от друга. По этой же причине самосознание получило высокое развитие в последние годы советской власти в Литве или Украине, но не в Беларуси. Для каждой страны нужна своя теория среднего уровня, которая бы адекватно с учетом культурно-исторической специфики помогла объяснить процессы развития, наличные тренды.

Конгресс в Гетеборге продемонстрировал, что процесс создания новых концепций, попытки прорывов в социальных науках предпринимаются не только западными авторами. Свои теории представили социологи из Бразилии, Ближнего Востока, Японии. Если вспомнить идею "преимуществ отсталости", то сегодня постсоветские страны и ученые этих стран имеют шанс сказать свое слово в социально-гуманитарных науках. Речь может идти и о новых теориях модернизации, и о теории элиты, и об экосоциологии, и других. Эти идеи получили признание в российской социологии. В. В. Радаев призывает коллег не замыкаться в кругу "доморощенной теории", утверждающей российское превосходство, не преклоняться перед западными авторами, выходить на международный уровень, используя национальное и зарубежное наследие, творчески его переосмысливая и создавая новые теории. России и другим постсоветским странам нужны свои "культурные образцы", которые должны быть созданы учеными своего региона [11].

Прошедший конгресс подтвердил, что в глобальной социологии не ставится активно, как раньше, вопрос о новых универсальных познавательных инструментах - будь то концепции, категории или методы исследования. Современная социология, отдавая дань уважения прежним эпохам в развитии социологии, относится к их наследию как к своего рода "сундуку": когда это представляется адекватным, из него извлекаются те или иные конструкты, а когда нет, предлагают идеи и подходы, которые могут идти вразрез с классикой и авторитетами. Поскольку социология наука, а не идеология, то, следуя императиву "организованного скептицизма" [9, с. 770], она допускает, даже предполагает постоянный пересмотр своего научного багажа, производит верификацию прежних (или созданных вне пределов данного историко-культурного контекста) инструментов.

Не отбрасывая чужие конструкты, надо сначала быть уверенным в их адекватности иному контексту. Следуя такому подходу, была создана концепция множественности модерное, представленная и на конгрессе. Отказ от идеи универсальности западного модерна дал возможность продуктивнее описать и осмыслить индийское, японское, китайское и иные незападные общества. Это - методологическая установка в изучении мирового наследия и конструировании инструментов анализа общества.

Рассмотрение проблем развития российской теоретической социологии в свете 17-го мирового конгресса социологии позволяет сделать некоторые **выводы**. Во-первых, ни на наднациональном, ни национальном уровнях не появилось "прорывных" социологических теорий, которые принципиально по-новому бы объяснили социальные процессы. Создание такой новаторской теории - актуальная задача мировой социологии в целом; в ее решение могут включаться представители постсоветской социологии. По другому поводу В. А. Ядов заметил, что "...если бы Россия выдвинула своего крупного макротейоретика, признанного как признают мирового чемпиона в спорте, это было бы огромным национальным достижением" [14].

Во-вторых, российская социология практически освободилась от прямых заимствований "чужих" теорий, претендовавших на универсальное объяснение мирового развития (теории модернизации, трансформации, демократизации), поскольку они оказались неприложимыми к социальному пространству постсоветских стран. Сегодня международные научные коммуникации предоставляют возможности дискуссий, знакомств с мировым опытом не только через конгрессы и совместные исследования, но и посредством Интернета, совместной организации международных социологических школ, где российские и западные ученые практически взаимодействуют. Пространство научной коммуникации расширяется на национальном и наднациональном уровнях.

В-третьих, если российская социология возьмет на себя миссию стать ведущей региональной социологией, объединяющей (в теоретико-методологическом смысле) социологов других постсоветских стран, она сможет не только развивать свой локальный (национальный) уровень, но и будет активнее разрабатывать социологию региона. Сегодняшние отношения между социологами бывших советских стран держатся, в основном, на старых связях. Если российская социология станет региональным центром, она будет развивать пути научной коммуникации, вовлекать молодое поколение социологов СНГ. В этом случае такая региональная группа сможет активнее выступать на международной арене - в рабочем режиме, поскольку станет более интересной для социологов других стран и регионов.

В-четвертых, в условиях полипарадигмальности социологии можно ожидать, что "иная" (не западная, не европоцентристская) социология не просто возможна как альтернатива развитию западных традиций и концепций, но и востребована: ряд ее версий находятся в стадии становления [5]. Незападных версий социологического знания может быть много. Суть в том, чтобы отказаться от доминирования "Большой Четверки" и строить региональные центры производства социального знания.

В-пятых, продолжается критическое переосмысление концепций глобализации, акцент переносится на глобальные проблемы экологии и поиска механизмов устой-

чивого развития. Совпадение кризиса теорий глобализации с глобальным экономическим кризисом не случайно: признание провала глобализации в неолиберальном понимании стало в научном мире повсеместным. Можно говорить о создавшихся в мировом сообществе форс-мажорных условиях кризиса, которые не оставляют миру надежд на возврат в докризисную точку даже в отдаленном будущем. Возможен "новый поворот" в развитии самого общества и социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурдье П.* Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2006.
2. *Воронков В.* Родовая травма российской социологии // www.polit.ru Дата доступа: 20.01.2010.
3. *Гудков Л. Д.* Есть ли основания у теоретической социологии в России? // Вестник общественного мнения. 2009. N 1.
4. *Здравомыслов А. Г.* К вопросу о культуре социологического мышления // Социол. исслед. 2008. N 5.
5. *Калекин-Фишман Д.* Иная социология возможна - в зависимости от содержания понятия иная // Социол. исслед. 2009. N 7.
6. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социол. исслед. 2001. N 2.
7. *Кирдина С. Г.* Импорт концепций, прежние подходы или новые самостоятельные теории? (О состоянии фундаментальных исследований в российской социологии) // Социол. исслед. 2001. N 8.
8. *Кирдина С. Г.* Современные социологические теории: актуальное противостояние? // Социол. исслед. 2008. N 8.
9. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006.
10. *Покровский Н. Е.* Открытое письмо проф. Л. Г. Титаренко // Социол. исслед. 2009. N 9.
11. *Радаев В. В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социол. исслед. 2009. N 7.
12. *Романовский Н. В.* Теоретическая социология в России: рамочные условия // Социол. исслед. 2008. N 1.
13. *Соколов М. М.* Российские социологи на международном и национальном рынке идей // Социол. исслед. 2009. N 1.
14. *Ядов В. А.* Для чего нужна сегодня национальная русская социология? // Социол. исслед. 2008. N 4.
15. *Яницкий О. Н.* Заметки о международном социологическом конгрессе // http://www.isras.ru/blog_yan_9.html Дата доступа: 27.07.2010.
16. *Connell R.* Southern Theory: the global dynamics of knowledge in social science. Australia: Allen & Unwin. 2007.
17. *White S., McAllister I.* Rethinking the "orange revolution". Aberdeen: University of Aberdeen, 2009.